

Т. С. Яценко,

доктор психологических наук, профессор, действительный член Национальной академии педагогических наук Украины, Республиканское высшее учебное заведение «Крымский гуманитарный университет» (г. Ялта)

ОПРЕДЕМЧЕННОСТЬ ПСИХИКИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГЛУБИННОГО ПОЗНАНИЯ

«Точная наука никогда не может обойтись без реального
в метафизическом смысле»

М. Планк

Заслуги академической психологии классического периода не могут заслонить тот факт, что она есть плод механистического подхода к пониманию реалий осязаемого мира, что не предполагает познание недоступного прямому наблюдению, т. е. бессознательного. Мы сделали попытку показать не только неоправданность такого подхода, но, в первую очередь, то, что психика едина в ее сознательном и бессознательном проявлениях. Последнее выдвигает специфичные требования к методам познания. Не зря некоторые научные школы (в частности, бихевиоризм) утверждали, что исследование психики доступно **в той мере, в которой ее функционирование выражается вовне**. Наша практика подтверждает, что материализованная (опредмеченная) символизация психики целостно объективирует проблемы нарушения инкорпорирования Я в окружающий мир. Данный подход выдвигает соответствующие требования к профессиональному мастерству психолога, в частности к умениям использования *наблюдаемых средств в познании прямолинейно не наблюдаемого*. Такие условия предполагают перевод академического взгляда психолога из объекта психического «самого по себе» на понимание психики как фундаментальной системы, которая способна к материализованной презентации, имеющей особую важность для решения проблем

глубинного познания. Это влечет за собой изменения в понимании *критериев доказательности и обоснованности научно-практических знаний о психическом в единстве сознательного и бессознательного*. Как указывал Н. А. Бернштейн, «наука связана с бессознательным прогрессом потому, что каждая очередная ступень ее развития находила в себе силы для беспощадного преодоления предыдущей» [6, с. 300].

В данное время в психодинамической парадигме происходит зарождение нового взгляда на психическое и на возможности его объективного познания. Это обусловлено попыткой интеграции с законами, открытыми в других науках – физике, физиологии, химии и др. Последнее связано с именами П. К. Анохина, Н. А. Бернштейна, Д. Бомы, Н. Бора, И. Р. Пригожина, К. В. Судакова, А. Эйнштейна и др., что заставляет сфокусировать внимание на единстве законов, которым подчинены как духовные так и материальные аспекты мира. К примеру, таблица умножения может быть опредмеченной реальностью на бумаге, она обладает многозначностью: с одной стороны, духовно-символическая, знаковая реальность; сам же принцип умножения – реальность духовная (идеальная), существующая в уме математика.

Таким образом, духовные феномены неразрывно связаны с некоторыми материальными носителями: книгами, символическими изображениями на бумаге, как и самими предметами в их функциональном своеобразии.

В данном контексте развитие кибернетики (как науки об управлении сложными системами информации и связи) не может быть вне внимания глубинного психолога, соприкасающегося с функциональными системами сознания и бессознательного в их автономии и одновременно неразрывном единстве как во внутреннем плане, так и во внешнем (идеальное – материальное). Мы не можем обойти вниманием общеизвестный факт регуляции и контроля активности организма по типу «обратной связи» и оценки прогнозируемых результатов акцептором действия как «голографическим экраном» в его коррекционном значении (для достижения желаемого результата). Даже беглый взгляд на проблему сопричастности полученных нами научных результатов в глубинной коррекции к различным сферам познания указывает на актуальность интегративных усилий в целях более адекватной постановки гипотез, исследовательских задач и формирования адекватных методов познания психики.

Прогрессивные взгляды на глубинное познание психического (в его целостности) ассимилируют фрейдовскую позицию относительно необходимости обеспечения условий для актуализации спонтанности и произвольности поведения анализанда, что связано с перспективами познания его внутренней детерминированности. Наряду с этим, спонтанность и произвольность может быть использована по-разному, и от этого в значительной степени зависят исследовательские результаты, будь то свободные ассоциации, сновидения (З. Фрейд), символдрама, кататимные образы (Х. Лейнер), спонтанность, катализированная ЛСД (С. Грофф), или спонтанность при условии опредмеченной самопрезентации субъекта различных ракурсов собственной психики (Т. С. Яценко). Последнее имеет исследовательскую значимость, задаваемую *использованием метафорических средств* (лепка, рисунки, предметные модели, камни, игрушки). Исходным моментом

здесь является стимулирование психологом *мотивации спонтанной активности* субъекта. Это согласуется с высказыванием Л. С. Выготского, что «психология исходит из инстинктов и влечений, как основного ядра психики» [3, с. 23]. Понимание того, что «влечения», «импульсы», «инстинкты» энергетически катализируют поведение, касается в первую очередь непроизвольной активности. Кроме того, необходимо учитывать функциональные особенности сферы бессознательного, нагруженной следами вытеснений, которые удерживаются в покорности сопротивлениям. Эмотивно-энергетическая потентность следов проявляется в их интерференции и систематизации, что предопределяет формирование феномена *внеопытного*, задающего когнитивные параметры базально-личностных форм защиты («горизонталь»), изыскивающих возможности частичной реализации через ситуативные, периферийные защиты («вертикаль») [1].

В авторском понимании проблем глубинного познания психики ключевым моментом является использование визуализированных средств самопрезентации, доступных научно-практическому исследованию совместно с респондентом, что способствует расширению его самоосознания.

Учитывая, что отправной точкой психической активности являются потребности (инстинкты), объединяющие человека с живым миром в целом, возникает вопрос: по каким же причинам именно у человека формируется *регрессия поведения*, нарушающая самоорганизацию и порождающая рассогласованность потребности («нужды») с соответствующими средствами ее удовлетворения? Таким образом, мы центрируем исследовательское внимание на проблеме внутренней рассогласованности (дизинтеграции) психики, что *объективно обусловлено защитой, осубъективирующей психическое* (блокировкой и искажением информационного обмена). Защитная подсистема психики нарушает переработку информации, что ступеневывает биологический смысл адаптации, подменяя его желательными просоциальными иллюзиями. По нашему убеждению, главная причина дисфункциональности психологической защиты состоит в создаваемой ею иллюзии, подчиненной идеализированному Я, имеющему приоритет над биологической целесообразностью внутренних импульсов. «Распаковывание» смысла защит входит в исследовательскую задачу в психодинамической парадигме [5; 9; 10].

Следующая проблема, разрешение которой имеет авторский оттенок, – *понимание природы психического в его подчиненности универсальности законов, и с отражением индивидуальной неповторимости*. Разрешение поставленной проблемы требует познания законов психики в соответствии с адекватной методологией понимания сфер сознания и бессознательного в их единстве и, одновременно, функциональной автономии. Психическое интегрирует в себе сознание, функционирующее в созвучии с осязаемым (твердым) миром и, одновременно, бессознательное, которое отвечает основным законам устройства вселенной, в частности: simultанность, т. е. слияние во времени и пространстве (вне пола, пространства и времени); наличие непроизвольно сформированного порядка континуума проявления процессов предсознания, при хаотичности импульсов Ид); системность и структурно-матричное (голографическое) устройство логическая упорядоченность психического и др.

Исходя из холистичности (цельности) сознательного и бессознательного

(единства законов, которым подчиняется духовный и материальный мир), мы вынуждены в своем исследовательски-практическом поиске ориентироваться на линию сопричастности этих сфер, на горизонт – как разграничивающий, так и объединяющий сознание и бессознательное. Глубинно-познавательный процесс при этом приобретает волнообразность, обнаруживающую тенденции поведения субъекта. Интересно, что такого рода волнообразность в метафизике (физиологии) квалифицируют как *опорную и предметную* волну. Это сходно с психодинамической позицией в отношении психологической защиты – базисная («опорная») и периферийная («ситуативно-предметная»). Актуальный акт психического всегда имеет выражение в «точке пересечения» горизонтали (базисной защиты) и вертикали (ситуативной защиты), и в диалогическом развороте содержания этой «точки», что открывает перспективы предопределения тенденций поведения. В квантовой физике элементарная частица – это «точка и волна» (предопределяющая направление).

Исследовательская задача целостного познания психики состоит в *восстановлении нарушенных взаимосвязей между сферами сознания и бессознательного*, порождающих психологическое импотирование субъекта (потерю энергии) и в упреждении развития тенденции «к психологической смерти». Профессионал-психолог объективирует глубинные ракурсы психического, основываясь на перекодировании его содержания (смыслов) в опредмеченные формы, что символически выражают единство сфер сознания и бессознательного. Последующее диалогическое взаимодействие предполагает декодирование информации, учитывая тот факт, что «*психика знает все и не знает*» одновременно, что требует психоаналитического «отшторивания занавески». Диалогическое взаимодействие с респондентом способствует вскрытию «*неявно известного субъектом*», способствующего *реинтегрированию психики* (на исходном уровне) с перспективой интеграции на более *высоком уровне психического развития*. Доязыковые (опредмеченные) формы самопрезентации постигаются в объективировании смысловой нагрузки эмотивного их «оживления» в диалоге «психолог – анализанд». Такое диалогическое взаимодействие по необходимости *встраивается в естественный порядок имплицитной заданности психического в его системной организации*, что имеет свою последовательность и нагруженность аффектами – следами (фиксациями) раннего детства. Последнее выходит за пределы признаков герменевтики, поскольку познаваемые *смыслы не являются текстом*, они не даны, а заданы и открыты в процессуально-диалогической диагностике. Глубинному познанию свойственны признаки косвенности, контекстности и опосредованности. Диалогическое взаимодействие – это, прежде всего, *подготовка к интерпретации* (путем накопления поведенческого материала), к познанию, к обобщению и анализу. В каждом «па» присутствует как диагностика, так и коррекция за счет частичных положительных дезинтеграций, порождающих вторичные интеграции психики на более высоком уровне развития. Материализация же респондентом собственного психического содержания сама по себе (без диалога) *нема* (неговорлива), т. к. представляет существенные характеристики в свернутой («упакованной»), имплицитной форме и, таким образом, латентно содержит смыслы (информационные эквиваленты), познание которых катализирует психокоррекционный эффект. Диалогическое взаимодействие предопределяет интерпретацию на разных уровнях, с

учетом *единства диагностики и психокоррекции*. Принципиально важным является вопрос о положительности дезинтеграционных процессов путем ослабления (в диагностико-коррекционной динамике) иллюзорных представлений субъекта. Именно положительная дезинтеграция обеспечивает вторичную интеграцию на более высоком уровне психического развития субъекта. Положительность дезинтеграции отличается следующими характеристиками: порционность, многоуровневость, расширение самосознания за счет снижения искажений социально-перцептивной информации, переход на более высокий уровень интегрированности структуры психики субъекта и др.

Важно не забывать, что развитие функциональных систем, будь то физиологический, химический или вселенский ракурс, предполагает их голографическое устройство, как и внутреннюю динамику, связанную с процессами «рассогласования» и «согласования», что созвучно с процессами дезинтеграции и интеграции, возведенных нами в ранг основных механизмов глубинной психокоррекции [14]. Диалог при этом опирается на точность диагностических посылок, которые следуют за внутренним порядком устройства психического, с учетом континуальности в ее системной организации, когда каждый отдельный элемент, поддающийся познанию, открывает перспективы познания следующих характеристик целого.

Говоря иначе, внутренний порядок устройства психического объективируется в континуальности его поведенческих «па», стимулируемых и проявляющихся в *притоках энергии, т. е. эмотивностью респондента*. Последнее опирается на прогнозирование энергетической потенции бессознательного (следов вытеснений импульсов Ид) – «к реализации вовне» (*«эффект незавершенности»* импульсов эдипального порядка).

Согласно нашему предположению, стабилизация внутреннего противоречия связана с *нарушением информационных взаимосвязей между двумя сферами* психики (сознание и бессознательное), что деформирующе влияет на мышление, в частности, блокирует потенциал рефлексивного мышления. Такие нарушения когнитивных процессов находятся вне контроля сознания, замаскированные системой психологической защиты, искажающей социально-перцептивную информацию на входе, внутренней ее «переработке» и эксплицирования вовне.

Возникает вопрос: что пытается скрывать защита путем искажений? Ответ кроется в эдипальных зависимостях, которые маскируются процессами вытеснений, замещений, проекции, интроекции, идентификации и т. п. В этот период ребенок впервые встречается с законом «табу», который не допускает его игнорирования, что по необходимости создает эффект незавершенного действия, влияющего на формирование доминирующей мотивации. Мотивация, с ее эмоциональной окраской, является ведущим компонентом в энергетическом инициировании любого поведенческого акта. Вместе с тем, ее понимание является недостаточным для психокоррекции психики человека, отягощенного системой психологических защит – их необходимо «развенчать».

Таким образом, методика, в авторской ее презентации, доказывает целесообразность перекодирования (самопрезентации) внутреннего содержания психики в плоскость осязаемого мира, что предполагает последующую аналитическую

проработку в диалогическом взаимодействии с респондентом с обобщающими интерпретационными заключениями. Как показывает многолетний опыт, психика способна к перекодированию в материализованные формы с сохранением информационных эквивалентов. Д. Юм (1711–1776) в «Трактате о человеческой природе» подчеркивает важность восприятия для психологического самоощущения: «... я никак не могу уловить свое я как нечто существующее помимо восприятий» [8, с. 366]. Наши исследования указывают на *важность самопроизвольных, спонтанных взаимопереходов имплицитивных и эксплицитивных характеристик психического*. П. К. Анохин уточняет данный процесс: «Отражательный процесс разворачивается таким образом, что внешний объект через непрерывный ряд физических и физиологических процессов... формируется в соответствии с теорией передачи информации» [2, с. 111]. Теория П. К. Анохина открывает перспективы понимания объективирования психики, в частности, расшифровки процесса перехода «материальных физических процессов в субъективный образ, в сознание». Несмотря на многочисленность звеньев диалогического взаимодействия с респондентом, эмпирические факты подтверждают верность утверждения П. К. Анохина, что «между начальным и конечным звеном этой передачи должна быть («существует» – Т. Я.) точная и адекватная *информационная эквивалентность*» [2, с. 112]. Это созвучно психоаналитической позиции, сориентированной на поиск «первичной» причины порождающей дисфункции психики. Последнее не позволяет ограничиться тренинговой работой, центрированной на эмоциональных переживаниях ее участников, без когнитивно-логических обобщений результатов, позволяющих предопределить тенденции поведения. Мы убеждены, что только рацию, которое расширяется и крепнет (в такого рода деятельности), способно катализировать реконструирование изначальной структуры психики респондента, что предопределяет переход на более высокий уровень развития.

Платон в свое время указывал: «... не во впечатлениях заключается знание, а в умозаклчениях о них, ибо, видимо, именно здесь можно схватить сущность и истину, там же – нет». Когнитивный синтез поведенческого материала, полученного в процессе диалогического взаимодействия, открывает резервы рационального познания психического в единстве двух сфер (сознание – бессознательное). Последнее необходимо также для объективности и «убедительности» результатов самопознания для самого респондента. Введение категории «информационных эквивалентов» в глубинное познание смыслов, латентно имплицитированных из сознания, влечет за собой не только методологические, но и инструментально-практические новшества, требующие уточнения специфики перекодирования психического в процессе самопрезентации, будь-то опредмеченные формы (лепка, рисунок) или вербальные (к примеру, сказка о своей жизни). Итеративность (повторяемость) определенных смыслов бессознательного приобретает, в случае их познания респондентом, убедительность (аргументационный вес) за счет перевода «сложного и непонятного» психического в сферу *очевидного*, которое выстраивается на метафорических сопоставлениях, сравнениях, обобщениях, систематизации, классификации опредмеченных презентантов. Вместе с тем, опредмечивание психологического содержания приобретает познавательный смысл лишь в случае *превращения материализованного предмета в объект*

самопрезентации своего опыта, что его (предмет) осубъективизирует, а затем требует эмоционального «оживления» в процессе диалогического взаимодействия с респондентом. Успешность последнего зависит от профессиональной способности психолога встраиваться в естественный порядок, имплицитивно содержащийся в «презентанте». При этом важно учитывать непрямолинейность перекодирования и его зависимость от опыта (форм) и предлагаемого материала (к примеру, лепка из теста или моделирование из камней). Различные формы перекодирования скрытых смыслов психики способствуют перепроверке на факт объективности психического, которое целостно презентуется в процессе непроизвольного творчества. Это созвучно с утверждением И. Р. Пригожина: «... мы призваны вести диалог с природой, тем самым человеческая креативность встраивается в креативность природы» (цит. по: [7, с. 686]). Наша практика диалогического взаимодействия с респондентом выполняет роль процессуальной диагностики, сориентированной на актуализацию спонтанной активности, катализируемой внутренним эмотивным компонентом, т. е. доминирующей мотивацией. При этом методологически присутствует приоритетность высказываний респондента, что предопределяет необходимость психолога *следовать за феноменом психического в целях познания закономерной его упорядоченности* и выявления ассоциативных цепочек в поведенческих актах (поведении).

Диалогическое взаимодействие психолога с респондентом через интерпретацию накопленного поведенческого материала открывает перспективы проникновения в смысловую сферу бессознательного, чему способствует *использование метафоричных средств, приближенных к образности языка бессознательного в его нуминозности, т. е. разворачивании (распаковывании) имплицитно заложенных смыслов*, не зависящих от волевого участия субъекта в диалоге.

Доминирующая мотивация заявляет о себе косвенно и замаскировано, через спонтанную активность субъекта, что облегчает процесс перекодирования неосознаваемых смыслов в формы, поддающиеся сознательному восприятию и интеллектуальному осмыслению (обобщению).

Сказанное выше позволяет найти пути восстановления взаимосвязей между сферами сознания и бессознательного (нарушенные психологическими защитами), опираясь на их функциональное единство (при наличии автономии). *Корень решения данной проблемы находится в изменении потребностной сферы субъекта, в нивелировании условности ценностей, на которые опирается субъект для утверждения собственного совершенства.*

Затрагивая проблему возможности познания идеальных (духовных) реалий психического в материализованных формах, встает вопрос о надежности и объективности такого познания. Мы понимаем, что речь идет о различных функциональных системах: «духовное – материальное». В частности, о переходе психических, хотя и неосознаваемых реалий, свернутых в пространственно-временных параметрах (симультаных, недифференцированных) в дискретно-предметные формы, путем перекодирования, которое имплицитные смыслы переводит в плоскость их существования во времени и пространстве. Эмпирический материал доказывает, что такого рода перекодирование возможно благодаря его

нелинейности, имплицитно содержащей внутренний порядок, которому подчинен феномен психического в инвариантности (сохранности) информационных эквивалентов.

Если в бессознательной сфере порядок имманентно характерен самой его сущности, то в опредмеченных самопрезентантах психики он «упакован», конденсирован в образе и существует уже в свернутом виде, что предполагает процесс экспликативного его разворачивания в диалогическом взаимодействии с респондентом. Диалог, в таком случае, как уже указывалось, обеспечивает приток эмотивной энергии, что не только вербализует («оживляет») опредмеченную самопрезентацию, но и приобретает равноправие в одном ряду с результатами визуализации, что важно учитывать при установлении ассоциативной цепочки в процессе обобщенной интерпретации. Такого рода «оживление» не является прямой копией внутреннего мира, который прошел не только «просев», но и конденсат приоритетности латентных значимостей, что объективировано в информационном эквиваленте. Диалог при этом является «моментом актуализации подлинной природы человека, непосредственно связанной с преодолением различных форм сопротивлений» [4]. Презентация смыслов не подлежит контролю сознания, как и произволу воли. Каждый «элемент» материализованного презентанта выражает характеристики голографической целостности психического, но локализовано, путем информационных эквивалентов, которые объективируются условно говоря – «за один раз один элемент».

Таким образом, материализованная самопрезентация в ее спонтанной непроизвольности и непредсказуемости способствует преодолению барьеров создаваемых отличиями двух сфер (сознание – бессознательное), что открывает перспективы познания бессознательного с участием сознания – «по законам осязаемого мира». С уверенностью можно сказать, что интегративный продукт, которым является материализация психического, объективирует неразделённость систем «сознательное» – «бессознательное» (при наличии функциональной их автономии). «Неразделенность» (сознательного и бессознательного) при объективировании вовне в образно-символических формах – подвластна только архетипу как инстинкту, располагающему допренатальной информацией и способностью интеграции с механизмами символизации (намек, сгущение, смещение и др.), как и с системой психологической защиты. Все это является косвенным свидетельством того, что внешний мир, как и внутренний, входит в психику в виде тончайших информационных процессов через разнообразные параметры своего воздействия на субъекта. Эмпирический опыт показывает, что предметная самопрезентация Я доступна всем без исключения участникам АСПО, независимо от возраста и образования. Другими словами, задача «опредмечивания», т. е. предметной метафоризации определенных ракурсов психики доступна каждому человеку. Избирательность же форм спонтанно диктуется опытом и внутренним императивом активности субъекта. При этом нет разительных отличий – человек выбирает готовый «презентант» (игрушку, неавторский (чужой) рисунок) или создает его сам (лепит, рисует, моделирует из камней). Более того, респондент может непроизвольно сочетать эти средства, к примеру, камни, ракушки и лепку (см. фото 1). Само по себе предложение психолога, побуждающее к самопрезентации, содержит элемент

неопределенности, к примеру: «Смоделируй (выложи) из камней актуальную для тебя ситуацию»; «Презентуй переживаемое актуальное чувство»; или же: «Слепи из теста (на солевой основе) собственный метафоричный презентант»; «Слепи (выложи из камней), что «желает» твоя рука» и т. п. Как показывает практика, первоначальное задание и его результат приобретают аналитическую целесообразность только при последующем диалогическом взаимодействии с респондентом, что в данной статье иллюстрирует стенограмма (см. далее).

Также заметно, что побуждение к «самопрезентации» является более слабым стимулом по сравнению с внутренним императивом спонтанной активности (инициативы), предопределяющей в конечном итоге результаты материализации. Таким образом, происходит трансформация *симультанного* содержания идеальной (духовной) функциональной системы психического в материализованную реальность, подчиняющуюся диаметрально противоположным законам, связанным с *дискретностью* предметного («твердого») мира. Подытоживая, можно сказать, что психическое, в единстве сознательного и бессознательного, доступно познанию в соответствии с принципом дополнительности как на уровне метафоричной самопрезентации, так и на уровне диалогичного разворота (распаковывания «дробления») имплицитно присутствующей в презентанте смысловой основы. Описанные выше реалии глубинного познания вынуждают еще раз апеллировать к П. К. Анохину в его учении о функциональных системах, которые он определяет как «динамические саморегулирующиеся организации» [2], направленные на достижение различных приспособительных результатов, полезных для организма. П. К. Анохин, как и К. Прибрам, вводит категорию кодирования информации, что относится к *самопроизвольно сложившимся системам, функционирующим в соответствии с законами живой природы с ее целесообразностью*. Все это соответствует специфике функционирования бессознательной сферы. Если *сознательная материализация собственного Я субъектом прямолинейно может «прочитываться» в предметно-функциональном ключе, то процесс нелинейного перекодирования психики в ее целостности находится вне контроля сознания (на латентном, «подводном уровне»), что способствует презентации подлинного единства психического в противоречивой его сущности*. Как известно, существуют два класса функций передачи информации через кодовую трансформацию: первый обеспечивает соответствие между кодами (что позволяет прямолинейно декодировать закодированные формы, и наоборот). Благодаря однозначному соответствию между шифрами кода устанавливается нечто вроде обратимости, «*вторичный функциональный изоморфизм*» [6, с. 85]. Второй вариант перекодирования – целиком неизоморфный. Раскрытие информационных эквивалентов (смыслов) требует не только дополнительных, но и контекстных средств. В нервной системе, как это показано К. Прибрамом, имеют место необратимые преобразования, при участии процесса абстрагирования. Ясно, что мы, познавая психическое в его целостности – имеем дело со вторым случаем.

Многолетняя практика убеждает, что *архетип* универсализирует, облегчает и даже «психотерапевтирует» субъекта в процессе визуализации; он, в значительной степени является «хозяином» языка перекодирования. Архетип не только обладает надситуативностью (трансцендентностью), но и интеграционным потенциалом объединения универсально-филогенетического и генотипно-

индивидуализированного опыта индивида, в чем ему способствует сращенность с системой психологической защиты. Интегрируясь с психологической защитой, архетип использует **опредмеченность сознания в процессе материализации неосознаваемого в психике субъекта**. Именно поэтому процесс материализации, по нашей методике, должен обязательно затрагивать психическое в его целостности (с участием сознания). Такого рода произвольное кодирование способно «ухватить» параметры симультанной сущности психического как функциональной системы и, в то же время, воспользоваться его опредмеченностью (включая мотивы и потребности), на что указывали Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др. *Эффективность кодирования связана с некоторым стабильным уровнем системы (статика и динамика)* [5]. В психике это задается как архетипом, в единстве с психологической защитой, влияющей на индивидуализированность бессознательного, при инвариантности трансцендентных характеристик базальных форм защиты. Это проявляется в итеративности поведения в наличии ассоциативных связей, в поведенческом материале, открывающих перспективы познания логической упорядоченности психического (на уровнях сознания и бессознательного). Отсюда вывод – спонтанная активность субъекта является необходимой предпосылкой неявного, непрямойной перекодирования неосознаваемых смыслов системно-функционального устройства психического в визуализированных формах твердого мира, что открывает перспективы для его изучения с участием «сознания» в дискретном мире.

Перейдем к рассмотрению эмпирического материала.

Психолог предлагает респонденту К. (студент I курса психологического факультета РВУЗ «Крымский гуманитарный университет», г. Ялта, 2012 г.) воспользоваться тестом (на солевой основе) для лепки собственного самопрезентанта «в настоящем», «прошлом» и «будущем» (предлагаются также средства для раскрашивания). Дополнительно в распоряжении респондента находились цветные камни.

К. спонтанно выполнил задание и расположил композицию на отдельном листе бумаги. Результаты материализованной самопрезентации протагониста К. отражает фото 1 в таких фрагментах: а – прошлое; б – настоящее; в – будущее.

Стенограмма психоаналитического взаимодействия психолога с протагонистом К.

Фото 1. Модель К. «Я в настоящем (а), прошлом (б), будущем (в)»

Психолог (далее по тексту – П.): Какая из созданных тобой композиций наиболее привлекает твое внимание и эмоционально затрагивает?

К.: Будущее (справа) – невзрачно, немного блекло, но оно влечет меня больше всего.

П.: Почему будущее кажется тебе невзрачным? Привлекают ведь контрастные его тона.

К.: Не знаю, я ведь *черную* часть пытался делать *не черной*, стусевать то, что разделяет фигуру (б).

П.: О чем ты мечтаешь в будущем?

К.: Наверное, о постоянстве и самоутверждении.

П.: О чем свидетельствует стусевывание контрастности частей Инь-ян между белым и черным в «будущем» (П. *сравнивает композиции (б) и (в)*)? Может, ты бы хотел быть более гармоничным, целостным по сравнению с фото 1 (б)?

К.: Мне хотелось бы разложить все «по полочкам»: знать, чего я хочу, что у меня есть сейчас и чего я могу достичь, я все это пока смутно ощущаю.

П.: В изображении настоящего – части фигуры Инь-ян автономны, сложены дискретно – внутри пространство, т. е. *пустота* (фото 1, б). Как это сказывается на твоих чувствах?

К.: Я ощущаю определенные противоречия на эмоциональном уровне, которые и предопределяют мой «0» (ноль) – это и есть ощущение пустоты.

П.: Значит, пустота между частями Инь-ян указывает на противоречивость твоих чувств?

К.: Две их стороны так выражены, что приводят мою активность к «0».

П.: Как ты относишься к своей противоречивости чувств? Что бы ты ей сказал? Может, «исчезни», или «растворись», или «откуда ты появилась?», или что-то другое?

К.: Я хочу, чтобы она исчезла, это мной ощущается и очень мешает... «гвоздь» в душе.

П.: Когда ты начал ее ощущать?

К.: Еще в школе, в подростковом возрасте.

П.: Противоречивость была обусловлена родителями или возникла вне дома в процессе общения с другими людьми?

К.: Возникновение противоречивости связано с влиянием школьных факторов, и родители тоже имели на это определенное влияние.

П.: То есть родители начали тебя активно формировать?

К.: Да, хотя я противился.

П.: Они опасались чего-то и предостерегали тебя таким способом?

К.: Нет.

П.: Тогда почему они так активно за тебя «взялись», если все было хорошо?

К.: Возможно, противоречие в том, что я не давал им «взяться за меня». То, что я считал нужным, было более значимым для меня, чем то, что мне навязывали.

П.: Иными словами, была конкуренция между «родителем» в тебе самом и родителями рядом с тобой?

К.: Да, это верно.

П.: Кто побеждал?

К.: Было по-разному: то родители побеждали, то я. Когда я стал подрастать, мы находили компромисс, и отношения становилось лучше, чем прежде.

П.: Как ты думаешь, твое противоречие с родителями могло как-то повлиять на

формирование пустоты в «Я-настоящем»?

К.: Да, и сейчас влияет, это основная помеха, которую я ощущаю внутри!

П.: Значит, когда родители побеждали, то ты ощущал пустоту, ведь тебе приходилось чем-то поступиться (*указывает на «пространство» между частями средней фигуры, фото 1(б)?)*

К.: Нет. Когда я понимал, что нужно уступить, то принимал ситуацию (победу родителей) и ощущал гармонию (я был вместе с ними).

П.: Значит, тебе хотелось бы им уступать, что же мешало?

К.: Если бы я так делал всегда, я бы потерял себя, свои желания, наверное, мое Я и была бы вообще *пустота*.

П.: В каких же случаях возникала пустота? Наверное, не всегда ты принимал позицию родителей и тебе приходилось подчиняться им, ощущая пустоту? Или ты старался не подчиняться?

К.: Я старался не подчиняться, но если понимал, что так лучше было для меня – я соглашался.

П.: «Лучше» в том смысле, чтобы было «тихо», без эксцессов?

К.: Да, но потом еще школа добавляла, т. е. явно сделала вклад в эту «пустоту».

П.: В школе тебе приходилось уступать в чем-то одноклассникам или учителям?

К.: Во взаимодействии и с одноклассниками, и с учителями это было.

П.: Чего они хотели? Может, чтобы ты был лучше?

К.: Не всегда.

П.: Некоторые учителя тебя не любили, противостояли тебе?

К.: Они не давали мне свободы развития, ущемляли, неадекватно оценивали, занижали, придавливали Я и мои ощущения.

П.: Их оценка была, скорее всего, заниженной, а не завышенной?

К.: Да.

П.: И тебе приходилось отстаивать свое мнение, чтобы сохранять оптимальность самоощущения? Или как ты себя «самотерапевтировал» в подобных случаях? Может, нарастало зло по отношению к обидчикам?

К.: Да, зло нарастало, но не развивалось. Я его *подавлял и старался понять*, почему так происходит.

П.: Ты дистанцировался от них?

К.: Да. Я самовыражался в других видах деятельности.

П.: То есть находил компенсаторные способы восстановления самоощущения. Что относилось к компенсаторным видам деятельности?

К.: Преимущественно занятия спортом.

П.: Перейдем к изображению прошлого (фото 1, а). Расскажи о том, что было, какое содержание каждого из представленных камней в композиции? Каждый камень желательно определить (квалифицировать), что он означает, какую семантическую несет нагрузку.

К.: Негативный опыт в воспитании, сомнения в себе в школьный период, внутренние противоречия, обиды (*см. темные камни композиции (а) сверху, фото 1*). Светлые камни – это компенсация жизненных невзгод: спорт, компьютер, учеба, общение с друзьями (*см. светлые камни композиции (а) снизу, фото 1*).

П.: Камень в середине композиции – это кто-то из твоих родных или ты сам?

К.: Это я.

П.: Ты, наверное, достаточно автономен от родителей?

К.: Да. Папа умер очень рано, когда мне было девять лет.

П.: И ты воспитывался женщинами?

К.: Да, двумя (еще есть бабушка).

П.: Камень, символизирующий тебя, что отражает?

К.: Это многогранник, наверное, он указывает на то, что было во мне тогда, в детстве. Это мой потенциал, который я ощущаю, но пока это нереализованная часть.

П.: Почему ты не поставил его в настоящее? Возможно, он бы закрыл пустоту между частями фигуры? Ты все еще надеешься на его реализацию?

К.: Может быть.

П.: Можно ли поставить многогранник на фигуру, символизирующую настоящее (фото 1, б)? К какой ее части (белой или черной) он больше относится?

К.: Он в равной степени присутствует в этих частях (фото 1, а), что и обуславливает надежду на целостность в будущем (фото 1, в). *(К. переносит камень и закрывает им пустоту, фото 2).*

Фото 2. Настоящее с «потенциалом» К. над «пустотой»

П.: Как изменились твои чувства, глядя на фото 2?

К.: Мне стало спокойнее, это «желанная» для меня картинка. Она помогла осознать, что пустота «пожирает» мой потенциал. Это заставляет задуматься, с этим надо что-то делать.

П.: Многогранник (что закрыл пустоту) символизирует что-то хорошее в тебе, твой врожденный потенциал дарования?

К.: Да.

П.: Тогда почему ты ставишь его в единстве и с темной и светлой частью фигуры Инь-ян (фото 2), почему не положил на светлую?

К.: Не смог, светлое не может быть без темного.

П.: Значит, ты сам себя за что-то осуждал или осуждаешь и сейчас?

К.: Да, это так.

П.: Ты можешь производить впечатление умного, рефлексивного, тонкого юноши, за что же можно тебе себя осуждать?

К.: За нейтральные поступки, которые должны бы быть другими. Я анализировал ситуацию после совершенных мной поступков, и у меня появлялись угрызения совести, что моя пассивность «поощряла» зло, – это относится к темному. Это зло и мне вредило, приносило свою лепту в формирование пустоты.

П.: Ты не проговаривал это матери?

К.: Нет, я все держал и держу в себе.

П.: Поскольку ты внутренне сам переживал угрызения совести, то они попадают

в категорию темных, как переосмысление и укор себе. Но почему-то темные характеристики представлены в равной степени со светлыми. Что относится к категории светлого?

К.: Мои достижения, которых я смог уже добиться.

П.: Достижения, которым бы радовался не только ты, но и твои близкие?

К.: Да.

П.: Значит, в категорию светлого попадают близкие тебе люди, не только твои успехи?

К.: Да, конечно.

П.: Можно ли сказать, что к темной части фигуры тоже относятся близкие тебе люди, но с их (не твоим) отрицательным знаком?

К.: Да.

П.: Тогда ты как будто срачиваешься с близкими людьми, при всей твоей автономии, в частности, с мамой. Можно ли сказать, что в будущем (фото 1, в) чего-то явно не будет из прошлого и настоящего (фото 1, а, б)?

К.: Я со многим хотел бы проститься!

П.: Расскажи, что бы ты хотел оставить (а не проститься) в прошлом или настоящем.

К.: Возможно, не будет пустоты в будущем, контраст (черное – белое) ступается, между частями Инь-ян появится гармония (фото 2, в)?

П.: Ты говорил об угрызаниях совести. Тебе хотелось бы упреждать подобные поступки, чтобы они остались в прошлом?

К.: Скорее всего, да, чтобы такие поступки остались в прошлом.

П. (*К группе*): Вы видите, что я помогаю протагонисту уточнить смысл своего материала, но последнее слово остается за К. Психолог катализирует гипотетическими прогнозами. (*К протагонисту К.*): Что бы ты еще сказал?

К.: В белую часть фигуры из будущего (фото 1, в) войдут все мои успехи и достижения (фото 1, а), которые были и еще будут, а все остальное, «темное», станет светлее, что я и отразил путем блеклости «черной части» композиции будущего (фото 1, в).

П.: Поскольку цвета в изображении будущего теплее и светлее, то можно сказать, что в нем успехи будут преобладать над темными сторонами (т. е. неудачами), которые эмоционально могли тебя отягощать в прошлом и настоящем?

К.: Да, это так. Спасибо, мне даже стало спокойнее, это мое желанное чувство. Я понял роль моего потенциала, который в настоящем пока – «пустота». Пришел к выводу, что слишком большую цену плачу за «угрызания совести» – надо в них разобраться, зачем они мне? Кстати, я об этом никогда не задумывался, плыл по течению.

П.: За угрызаниями совести стоит чувство вины и, очевидно, перед матерью. Что бы ты сказал прошлому, настоящему и будущему?

Фрагмент психодрамы

К. (*К прошлому*): Спасибо, что ты у меня было, дало мне определенный опыт! (*К настоящему*): Спасибо, что ты есть! (*К будущему*): Надеюсь, что ты у меня будешь!

П.: Если ты говоришь «спасибо», то за что? Может, за то, что ты жив? У тебя были в жизни рискованные ситуации?

К.: Были, но не настолько рискованные.

П.: Рискованной была болезнь или ситуация угрозы жизни?

К.: Были легкие ситуации, связанные с определенной угрозой, но они были незначительными.

П.: И, тем не менее, оставили след?

К.: Я получил определенный опыт, которым воспользуюсь в дальнейшем.

П.: Опыт, который ты будешь упреждать, чтобы обходить (не повторить) в будущем?

К.: Этот опыт позволит мне прогнозировать, что подобное может случиться, и тогда и буду упреждать его.

П.: Значит, в будущем представлено то, что ты намерен обходить, упреждать, потому что это нерационально?

К.: Это были случайные, спонтанные ситуации, которые никто не мог предвидеть.

П.: Мог ли ты что-то сделать, чтобы не произошла «беда»?

К.: Да, мог, но моя нерешительность... задержки активности...

П.: Значит, ты говоришь о случайности, в которой все же есть твое участие?

К.: Да, теперь я это понимаю, особенно в контексте отсутствия внутренней гармонии, весь вопрос в ней – поэтому и такая модель будущего (фото 1, в).

П.: Может, на эту «пустоту» повлияло отсутствие отца?

К.: Возможно, ощущение, что с уходом отца я потерял ... часть себя.

П.: Чувство, связанное с отсутствием отца, попадает в светлую или в темную часть фигуры – лепки Инь-ян?

К.: Наверное, в светлую.

П.: Ты старался сам замещать отца в семье, ты его «оживлял» своим «светлым» поведением и поэтому относишь его к светлой части?

К.: Да, невольно это делал.

П.: У тебя был сформирован образ отца?

К.: Я представлял идеал отца на основе того, что успел о нем запомнить – это уже интегрированная память, это мое представление в слиянии с его образом.

П.: Значит, это хороший идеал, ведь он повлиял на формирование светлой части в тебе.

К.: Да, это точно.

П.: Тогда *ты этим компенсировал наличие пустоты между частями Инь-ян?*

К.: Да, но не до конца, я думаю, это не фатально.

П.: Твоя мама воспринимала «белую часть» в тебе положительно или вносила коррективы в соответствии со своим представлением об образе взрослого К.?

К.: Скорее всего, добавляла, вносила коррективы в мои намерения.

П.: Это не всегда совпадало с твоим представлением?

К.: Да, хотя и хотелось бы отвечать ее ожиданиям...

П.: Если не совпадало, то по каким параметрам?

К.: По возрасту. Я был для нее *все время маленьким*. Именно в этом порождалось *отчуждение с мамой*, что тоже *попадает в эту «пустоту»*.

П.: Из того, о чем мы говорили, что попадает в идеал? Что бы ты хотел перенести из прошлого и в настоящее, и в будущее?

К.: Я хотел бы перенести все хорошее, что есть во мне, и некоторые части плохого для самосохранности и *приобретения целостности*. В частности, умение постоять за себя, отстоять свою позицию, намерение, желание, цели.

П.: Остается пожелать тебе успехов. С тобой приятно было работать в диалоге. Думаю, что твой идеал не только по твоим ощущениям, но и по реальным успехам станет действительностью. Что бы ты сказал *пустоте*? Она наполнена каким-то

содержанием для тебя?

К.: Да, наполнена неуверенностью в себе. Она порождает мои задержки в активности, я часто упускаю момент в ситуации, когда необходимо принять решение. В пустоту попадает противоречие – желание иметь успехи и быть «правильным», положительным и т. п., и тогда долго просчитываешь, чтобы соответствовать критериям оптимальности. Чем дольше «задерживаешься», тем сложнее его просчитать (момент упускаю), тогда и образуется пустота. Я очень благодарен сеансу работы, который позволил это осознать, никогда мой взгляд не был направлен в сторону «пустоты». Я вообще обнаружил ее в процессе лепки, и теперь мне значительно легче, это меня меньше страшит, хочется действовать...

П.: У тебя в процессе работы возросло доверие к себе. Возможно, неуверенность – это эффект влияния родительской опеки – двух женщин (бабушки и мамы). Это твой материал, важно определить зоны риска, чтобы их снивелировать, потому что ты свой потенциал загоняешь внутрь – он может быть не реализован – на это указывает разобщенность элементов Инь-ян (пустота) в реальном Я. Радует то, что ты по ходу работы научился рефлексировать, адекватно высказываться – это тебе поможет развить ощущение себя и способности преодолеть барьеры, мешающие самопознанию, поэтому есть основания верить в твой успех!

К.: Спасибо вам за работу, у меня не только посветлели чувства, но я ощущаю энергию, прилив сил. Спасибо еще раз!

Подводя итог, обратим внимание на роль спонтанной «самоматериализации» внутреннего мира К. (на основании минимизированного побуждения психологом к такого рода активности). К. никогда не имел подобного рода практики. Очевидной является приоритетная роль архетипа как инстинкта, открывающего перспективы визуализации психического содержания, в процессе которой использованы универсальные (архетипические) символы Инь-ян, круг, цветность (светлое – темное), пустота, разобщенность (дистанцированность), слитность или отстраненность фигур и др. Эмпирический материал свидетельствует также о том, что глубинное познание психики не может быть ограничено лишь экспликативным уровнем ее объективирования – сущность состоит в раскрытии имплицитности смысловой нагрузки презентанта. Психолог в диалоге катализирует такого рода познание, которое предполагает «оживление» материализованных экспликативных, через эмотивность притоков энергии, а также развитие саморефлексии респондента. Континуум порядка непроизвольной активности К. вывел нас на изначальные («детские») основы его личностной проблемы, связанной с потерей отца и сложностями взаимоотношений с матерью. Благодаря «суммированию» (набору) материала диалогического взаимодействия П. с К. произошло приближение к возможности объективирования логической упорядоченности психики последнего. Отметим, что в этом процессе особое место занимали обнаруженные способности К. к образной самопрезентации, как и вербализованной самоассимиляции вскрываемых интерпретацией смыслов. Познание бессознательных смыслов предполагает следование за цепочкой (логикой) их самообнаружения в спонтанной активности К., путем углубления его способностей самоанализа и расширения самосознания. Таким образом, психодинамический подход позволяет познавать психическое в его целостности, актуализируя возможности объективации взаимосвязей между

сознанием и бессознательным, что исключает алгоритмизацию глубинного познания извне. Согласно философскому энциклопедическому словарю, «предметное бытие ... имманентно присуще сознанию; оно обретает свой объективный смысл благодаря отнесенности к сознанию. Предметное бытие и сознание коррелятивны (соотносительны) друг другу» [7, с. 718]. Мы не только постулируем представленное выше утверждение, но и готовы уточнить, что процесс опредмеченной самопрезентации (включая диалогическое взаимодействие) позволяет наблюдать приближение феноменологического ракурса познания к ноуменологическому, презентующему имманентно присущие психике интеллектуальные обобщения, способствующие определению «логики сознания» и «логики бессознательного» («иной логики»), что соответствует смыслу категории *ноэзис*. Ноэзис предопределяет постижение смыслов целостной психики, соотносимое с «интеллектуальным созерцанием» ее реалий, недоступных прямолинейному наблюдению. Ноэзис понимается у Платона как «мыслящее усмотрение сущности, идеи, основанное на созерцательной природе разума» (цит. по: [7, с. 442]). Есть основания утверждать, что представленные К. материализованные самопрезентанты объективно наблюдаемы и носят ноэмный характер в связи со своей многозначностью, т. е. многообразием значений вещей в их единстве. Для постижения сущности психического необходимо «наработать» *многообразие ноуменов, которые и создают предпосылки для умопостижения созерцаемого в презентантах*. Последнее объясняет необходимость введения трехформатного опредмечивания психики («прошлое», «настоящее», «будущее»), как и процессуальности (продолжительности) диалога. Учитывая холистическое единство законов материального и идеального мира, мы имели возможность проведения целостного анализа полученного поведенческого материала независимо от его формы объективирования (вербальная или невербальная) – это один ряд эмпирически поддающейся анализу.

Данная статья свидетельствует о предметной сориентированности сознания, что способствует раскрытию имплицитно скрытых в презентантах смыслов, которые в данном случае визуализированы наличием пустоты между Инь-ян. Метафоризация глубинного познания реалий бессознательного, при его недоступности прямолинейному созерцанию, создает защищенность для респондента, а травмирующие моменты *презентованы пустотой, которая, как оказалось, наполнена личностным смыслом, связанным с влиянием матери, что несет эдипальную нагрузку*. Если при этом учесть, что К. соотносит себя (как и отца) со светлой частью Инь-ян, а маму – с темной, то явно в такого рода дистанцировании присутствует эдипальная его зависимость от матери, которая предопределяет чувство вины, деструктирующее психику. Семантическая часть такого рода деструктирования представлена в процессе раскрытия в диалоге с К. эмотивных нагрузок, которые связаны с *пустотой (это неуверенность, тревога, противоречивость чувств, задержки активности, несоответствие желаний и устремлений, стремление к стушевыванию «черноты» элемента Инь в идеале и др.)*. Последнее может означать осветление образа матери (который связывался К. с темной частью), что соответствует эдипальной зависимости, как и невозможности реализовать либидо («свет») к ней. Таким образом, психика обладает способностью перекодирования подлинных, скрытых от сознания смыслов, воплощенных в опредмеченные формы, содержащие информационные эквиваленты,

касающиеся как структурных ее аспектов, так и запретных эдипальных импульсов, создающих программу эдипальной зависимости субъекта.

Мы наблюдаем дезинтеграцию (расщепленность) структуры Я (модель (б)) через пустоту, разобщенность составляющих знак гармонии Инь-ян, что указывает на импотирование психики. Последнее формировалось под влиянием ситуаций ущемления и игнорирования интересов К. родителем (мамой), отношения к нему «как к маленькому»; «омертвление» потребностей К., что усилил уход из жизни отца. Последнее порождало чувство обездоленности, неполноценности из-за отсутствия поддержки; блокировки чувства вины, порожденного эдипальной зависимостью от матери и его же «изживания» через тенденцию к самонаказанию, что и обусловило низкую прогностическую способность психики, слабую активность К., направленную не на успех, а на избегание неудачи, что блокировало реализацию личностного потенциала (фото 1 (а) – центральная часть). Эмпирический материал убеждает в состоятельности диалогического взаимодействия, приобщающего К. к процессу глубинного познания, способного расширить его самосознание и развить рефлексивные способности самоанализа. Такого рода психоаналитическая работа дает в руки респондента «ключик» к ретроспективному самоосмыслению и упреждению дисфункциональных факторов в будущем, а значит, и к приближению к желанной гармонии, символизирующей Инь-ян будущего (фото 1, в). Равновесие чувств, уместная (адекватная) активность, расширение самосознания – вот перспективы самостановления К.

Литература

1. Андрущенко В. П., Яценко Т. С. Философско-психологические проблемы методологии познания психики / В. П. Андрущенко, Т. С. Яценко // Научный часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія № 12. Психологія : 36. наукових праць. – К. : НПУ імені М. П. Драгоманова, 2012. – № 36 (60). – С. 7–20.
2. Анохин П. К. Системная организация физиологических функций. – М. : Медицина, 1969.
3. Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения // Психология и марксизм / Под ред. К. Н. Корнилова. – Л., 1925.
4. Зубалій Н. П. Діалогічне спілкування як психологічна умова формування позитивного ставлення практичних психологів до навчання // Актуальні проблеми практичної психології. – К. : НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. – 361 с.
5. Концептуальні засади і методика глибинної психокорекції: Підготовка психолога-практика : навчальний посібник / Т. С. Яценко, Б. Б. Іваненко, С. М. Аврамченко, І. В. Євтушенко, І. М. Сергієнко, І. В. Калашник, Т. В. Богдан. – К. : Вища школа, 2008. – 342 с.
6. Прибрам К. Языки мозга / Под ред. А. Р. Лурия. – М. : Прогресс, 1975. – 464 с.
7. Философия : энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2006. – 1072 с.
8. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Сочинения в 2-х томах. – М. : Мысль, 1965. – Т. 1. – 847 с.
9. Яценко Т. С. Основи глибинної психокорекції: феноменологія, теорія і практика : навчальний посібник / Т. С. Яценко – К. : Вища школа, 2006. – 382 с.
10. Яценко Т. С. Теорія і практика групової психокорекції: активне соціально-психологічне навчання: навчальний посібник / Т. С. Яценко – К. : Вища школа, 2006. – 382 с.